МУЖЕСТВО

/Очерк/

Говорят, журналисту не ведом страх перед чистым листом бумаги, не выступает у него испарина на лбу, как у тех, кто редко берет в руки перо и мучительно думает над каждым словом. Сколько их роится в голове, а нужное где-то вертится и не идет на ум. И из-под пера порой блестящего рассказчика выходят вдруг тусклые, корявые строчки. Человек, смущаясь, протягивает тебе испещренные неустоявшимся почерком страницы и неловко извиняется: не привык, мол, к писанине. А я привык. И все-таки боялся, боялся отважиться хотя бы на первую строчку об этом человеке.

Проходили годы и месяцы с той первой встречи, я мысленно рисовал эпизоды его жизни, словно художник, подбирал для палитры краски, но все, казалось, не находил нужных, достаточно ярких и броских. И когда друзья говорили: "А ты садись, пиши, найдешь слова" - я упорно бежал ог этого чистого листа бумаги с давно написанным заголовком "Мужество". И как-то пришло сомнение: а нужны ли красивые слова, замысловатые литературные повороты? Разве не расскажут о мужестве скупые штрихи его биографии?

СПОДВИЖНИКИ

Было далеко за полночь, когда в чуть приоткрытой двери показалась голова адъютанта:

- Василий Константинович, тут по вашему приказанию прибыл...
- А... а... давай, зови давай! Знаю...

Через несколько минут перед командармом стоял высокий плечистый военный, подтянутый с той скрупулезностью, которая всегда выдает еще не привыкшего к армейской выправке человека:

Товарищ маршал, командир тяжелого артиллерийского полка...

Проходи, Шапунов, присаживайся, - пригласил командарм, недослушав рапорта.

- Расскажи, как завтра работать будем.

Шапунов не спеша раскрыл планшетку, аккуратно расстелил карту с многочисленными красными и синими пометками и начал выкладывать свои расчеты. Говорил спокойно, убежденно, словно стоял у кафедры и уверенно доказывал сложную теорему, поглощенный только ею, радуясь красивым логическим поворотам, которые неминуемо приведут к последнему - " что и требовалось доказать ".

Маршал слушал, не перебивая, изредка согласно кивал головой, жирно обводил на карте заметные кружочки, словно утверждая предлагаемый план операции.

Вошел адъютант, поставил перед каждым по стакану душистого чая. Командарм не спеша помешивал ложкой и, уже будто не слушая доклад командира полка, думал о чем-то своем.

Трудно сказать, где были в тот момент его мысли. Может быть, вспоминал он своих боевых товарищей, которым нелегко было вот так четко, по сложным формулам тактики боя, проводить свои расчеты. Брали скорее чутьем, какой-то крепкой народной хваткой. Теперь другое. Одной храбрости да чутья мало. Приходят на смену грамотные военные специалисты. Вот и тот, что перед ним...

Вряд ли думал когда-нибудь Шапунов о армейской службе. Закончил физико-математический факультет Иркутского университета. Друзья пророчили ему большую научную карьеру. Он словно рожден был для математики, для сложных вычислений и расчетов. Но в воздухе пахло гарью. На Западе поднимал голову фашизм. Тревожно было на восточных границах. В эти дни призвали в ряды Красной Армии и Михаила Шапунова.

Уже через несколько месяцев молодого способного артиллериста заметили в полку и послали учиться на высшие командирские курсы. Потом армия легендарного Блюхера. Вскоре он стал слушателем заочной военной академии. Ступенька за ступенькой, и, бывший всего лишь несколько лет назад рядовым красноармейцем, Шапунов командует тяжелым артиллерийским полком, гордостью Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Такие ночные вызовы к командарму не были для молодого комполка неожиданностью. На него возлагались большие надежды.

В ту ночь засиделись до рассвета. А утром маршал, словно и не было бессонной ночи, бодрый, подтянутый, шутил, улыбался, прощаясь с командирами. Он спешил. Вызывали в Москву.

И больше не увидели его боевые друзья и товарищи. Оклеветанный врагами народа, Василий Константинович Блюхер пал жертвой культа личности.

ГДЕ ПРОХОДИТ ПЕРЕДОВАЯ?

Обычно спокойный, уравновешенный Шапунов негодовал. Всплывали в памяти все встречи с этим легендарным человеком, его блестящие военные операции, страх, который он наводил на противника. Становилось больно, обидно, и он гнал это прилипчивое и невозможное "враг народа". Потом все было как в страшном хаотическом полусне. Арест.

- Какой чин обещали вам заговорщики? – голос следователя звучит глухо, и смысл его не сразу доходит до Шанунова. А когда понял, встрепенулся:
- У меня и сейчас достаточно высокий, чтобы быть полезным Родине, чтобы найти управу на тех, кто бросает за решетку ни в чем невинных людей.
- Брось храбриться, Шапунов. Тебе уже не подняться. Самое лучшее, если вообще останешься жив...

Комедия суда – не подняться. Трюм парохода – не подняться. Голые холодные сопки – не подняться. Колючая проволока – не подняться. Мрачный барак – не подняться. Конвоир, перед которым стоишь навытяжку, и ноги стынут, и в глазах темно от усталости - не подняться. А надо жить, чтобы доказать.

Боль... Какая бы тяжелая она ни была, но страшнее всех, наверное, та, когда не можешь ты быть вместе с народом, быть там, где мог отдать все, чему учили, чем полна твоя жизнь. Боль от того, что боевые товарищи лицом к лицу встречают смерть, а ты даже не слышишь раскатов боя, и на твоих многочисленных рапортах и письмах лишь короткое: "отклонить". Но совесть не дает тебе права стоять в стороне и каждый день жить, лишь бы тянуть до положенной нормы и получать порцию похлебки. Нет, ты должен быть полезен и здесь, забыть личные обиды. Если ты прав, то должен бороться каждым лишним граммом золота, за которым стоят снаряды и танки. И что твоя боль, когда там страшнее.

Ночь... Как ждешь ее тепла, как нужен покой, чтобы завтра не сорваться, сдержать себя, успокоиться и ждать, когда придет новая. А мысли кружат голову. Так может быть бесконечно. Можно радоваться, если встанет единственный паршивенький дизель, развалиться тогда на нагретом скупым солнцем галечном отвале и ждать, пока хроменький механик, бывший слесарь-водопроводчик, до вечера провозится с пустячной поломкой. Потом придет час отбоя, выстроятся по обеим сторонам тропинки молоденькие конвоиры, и сержант вслед за многими выкрикнет и твою фамилию.

Что твоя боль! Зачем твой покой, если где-то сеется смерть?

- Стой, механик, в чем у тебя дело?

Смотрит недоверчиво, с опаской. Конвой тут как тут. Карабин навскидку. А-а, отстань ты, машет солдату в сердцах механик. И, повернувшись к Шапунову, виновато смотрит:

- Может, поможешь? Поди разберись в этой машине.

Склонились вместе. Словно далекие видения кружатся в голове схемы, чертежи, учебники. Ну так и есть... поршни сработались.

- Новые нужны, механик.
- Да где их возьмешь-то?
- Сделать надо.
- Пустое говоришь... Пробовали. У нас же не станки - гробы.
- А ты разреши, постараюсь.

Пропали совсем ночи. Похожие на день, они приносили больше радости, чем те, бессонные, смутные. Словно новенькие, крутились старые станки, перестали шуметь механики. Уже без конвоя ходил новый начальник мастерских Михаил Шапунов.

И радовался, когда над конторой - дощатым домиком - прииска "Скрытый" загорались яркие звезды значит, шло золото. И забывал, что выбит он из колеи, что, хотя и нет конвоя, но всюду за ним глаз и по-прежнему он - "зэка". Так и Победу отпраздновали: другим ордена, а ему свободу сулили.

К тому времени, как пришла она, наслышались о Шапунове на приисках: инженеры на совет к нему ходили - человек сложнейшие формулы на память выкладывал. Сыщи поди другого такого механика. Теперь это - его жизнь. О другой, как ни больно, забыл. И, когда вызвали однажды и зачитали: за примерную работу освободить, впервые за многие годы растерялся. Куда ему теперь? К прошлому не вернешься, сначала начинать вроде поздно, да и привык уже к Колыме. Так и остался... Должность прежняя: начальник механических мастерских прииска.

ЧЕЛОВЕК МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Подошла машина. Погрузил свои небогатые пожитки. До свидания, Широкий! И пока сидел в кабине, все пытался понять - рад или огорчен переменой. Наверное, рад. Все-таки новые места, интересная работа. Только вот старых товарищей жаль. Кто его знает - с кем рядом жить-то придется, как встретят его люди, все-таки "бывший". Но о плохом думать не хотелось. Главное - совесть у тебя чиста.

Не доезжая до поселка, заметил в стороне от дороги огромные металлические каркасы, фермы, поблескивающие на солнце стальные зубья массивных ковшей. "Вот она, драга", – подумал Шапунов. Хотя и не видел ее ни разу – догадался. Ради нее и приехал сюда. Надо собрать воедино эти разрозненные металлические узлы, поставить на понтоны, вдохнуть в них жизнь. Дело нелегкое. Пройдет год-два, прежде чем уйдет в плавание этот первый на Колыме золотодобывающий корабль. А сейчас надо садиться за чертежи, проштудировать учебники и литературу, научиться хотя бы в воображении монтировать эти многоэтажные гиганты. А подсказать некому. И бригадир, и механики, да и сами монтажники хотя и мастеровые люди, а с таким делом впервые сталкивались.

Так начиналась для Шапунова его новая профессия – драгостроитель. Летели дни. Все выше поднимались над стапелями металлические конструкции. Чем ближе пуск, тем жарче шла работа. Что не клеилось, переделывали на ходу. Новый вариант рассчитывался тут же, мелом на железном листе, который через несколько минут подхватывал кран, и сварщики заделывали им очередное отверстие в обшивке драги. Потом еще долго, пока не закрасили их перед самым пуском, белели эти формулы, сделанные торопливой рукой Шапунова.

Драга пошла. А Шапунов со своими монтажниками уже хлопотал в другом месте. И снова все повторялось сначала. Первые колышки на месте будущих домов.

Вбитый в землю стол на козлах, узкая кровать в палатке. Здесь твое жилье и кабинет. А когда по-настоящему обживался, надо было уходить – эксплуатационники приняли новую драгу, на очереди – другая.

Каждый год заставал Шапунова в разных уголках Колымы. В одном из них вместе с решениями XX съезда партии догнало его сообщение – реабилитирован. Получил письмо, закрылся у себя в комнатушке, и долго горел там свет. Потом вышел и, как будто ни в чем не бывало, направился к драге. И никто не узнал, о чем он передумал, какое письмо получил. Зачем рассказывать – убеждать, что ты все-таки свой. Разве не узнали тебя за долгие годы, не верили? Жил с людьми, души не пряча.

В ту пору и довелось мне повстречаться с ним. На плаву покачивалась его пятнадцатая по счету драга. Передо мной был высокий сутуловатый человек. Застенчивая улыбка, казалось, никогда не покидает его лица. Несмотря на преклонные уже годы, бодро взбирался по трапам. Ему, как мастеру, который любуется своей работой, хотелось самому показать драгу, окинуть взором просторы, открывающиеся с высоты капитанского мостика. Где-то вдали чуть виднеется поселок Широкий. Там, на “Скрытом”, началась его колымская биография. Выходит, снова вернулся к нему Шапунов. Теперь он подарил ему драгу.

Внизу деловито сновали машины. На них что-то грузили, а потом они исчезали за поворотом.

- Снова в дорогу, – тихо заметил Шапунов.
- Ну, что ж, до встречи.

Не думал, что она будет так скоро.

… Тихим августовским днем 1958 года я иду по центральной улице Магадана. Только что передали по радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями большой группы строителей области. Среди них знакомая фамилия – Шапунов Михаил Львович. Где он сейчас? Когда дойдет до него эта весть, в какой глуши нагонит? И вдруг замечаю, как навстречу мне, все также застенчиво улыбаясь, идет Шапунов. Я бросаюсь к нему и по всему вижу: он уже знает. В такие минуты слова лишние. Я молча жму ему руку и замечаю, как катится по лицу непрошеная слеза. Наверное, в этой слезе было все: и давняя боль, и горечь, и светлая правда, и вера, и радость.

ЭКЗАМЕН

… И вдруг лед предательски затрещал. Сидящий на пятиметровой высоте сварщик, скинув с головы щиток, осторожно прислушался. Лед под стапелями поскрипывал. Сначала едва слышно, потом все заметнее и заметнее. Побежали по скованной морозом реке ажурные трещины.

Мигом погасли только что ярко блестевшие в утреннем тумане огни электросварки, смолк шум гаечных ключей. Кто-то с высоты бухнулся в наметенный ветром сугроб и побежал прочь. За ним врассыпную – остальные.

Оглянулись, когда оказались на почтительном расстоянии от опасности. Чуть внизу раскинулась на свежесрубленных крепежных кострах драга, вернее, только начало ее – понтон, палуба с немногими надстройками. Стояла она на самой середине замерзшего котлована, словно огромная баржа, прихваченная льдами. Не выдержат они и рухнет тысячетонная громадина на дно.

Шапунов выскочил из дома, почувствовав что-то неладное в этой непривычно наступившей тишине. Подбежал к группе рабочих, всматриваясь в чернеющую вдали махину. Стоит.

- Что случилось?
- Трещит, Михаил Львович.
- Что трещит? - не понял Шапунов.
- Рухнет драга, лед трещит.
- Ну и что?
- Так ведь трещит...
- Должен трещать. Распрямляется лед. — Сказал, а сам задумался: а вдруг разводье? Хотя бы в одном месте. Прогнется понтон, как ножом срежет, уйдет под воду. Не может быть. Здесь течение тихое. — Пойдемте!

Словно молодой, прыгнул с невысокого обрыва и зашагал, не оглядываясь. Только слышал за собой мягкие шаги многих ног. Добрался по гладко укатанному льду. Нырнул между кострами. Старательно разгреб снег на трещине, пристально всматриваясь в мутные прожилки. Полез на самый верх и уже оттуда крикнул:

- Все в порядке! Приступайте к работе.

Взбирались на стапели осторожно. По палубе шли на цыпочках, словно неверное движение принесет беду. Спустились в трюм, поднялись на фермы.

Забрезжили несмелые огоньки электросварки. Молчали, будто от громкого голоса содрогнется понтон и не выдержит тяжести лед. И только всегда тихий, громко звучал сегодня голос Шапунова. Он то был на самом верху, то спускался на только что проваренное днище понтона. И его невозмутимый вид, и спокойная деловитость, и редкие замечания вселяли уверенность, делали все до привычного будничным.

Раздавалось тихое: "Майна! Вира!". Новая ферма повисла в воздухе. А лед все потрескивал...

Смена кончилась ровно в пять. Сегодня никто не задерживался. Ночью мороз ударил еще сильнее. Шапунов этому не удивился. Похолодания ждали давно. Это только подтверждало его расчеты, да и, выходит,

метеорология бывает иногда точной наукой. И все-таки этот день не забыть. Ошибись он хотя бы немного, трудно сказать, каким мог быть конец. Уйдут под воду миллионы рублей, могут погибнуть люди. И ты за все в ответе.

Можно было не рисковать. Спокойно, привычно поставить драгу. Пусть срок вдвое больший. Так ведь никто тебя не неволит, всегда столько времени строили. А если можно быстрее? Не рисковать – тоже потерять миллионы. Только о них никто не знает, за них не спросят. А совесть?

…Когда заместителя начальника Магаданского монтажного управления Михаила Львовича Шапунова вызвали в совнархоз, там уже было почти готовое решение. Драга на прииске им. Гастелло отработала свое месторождение. Надо разобрать ее полностью и перевезти за 120 километров на Омчуг.

Разобрать до винтиков, потом смонтировать заново – все равно, что две драги построить. Долгая, дорогая работа. Шапунов ничего не сказал, а через несколько дней представил свои расчеты. Он знал эту плавучую фабрику, как свои пять пальцев. Мысленно разрезал на отдельные блоки со всем оборудованием, смонтированными механизмами. Подсчитал вес. Получилось, что такие блоки, как квартиры в многоэтажном доме, можно перевезти, не разбирая стены, не трогая "мебели".

Днем по Тенькинской трассе, как обычно, шли машины с обычными грузами. Привычная, знакомая старожилам картина. А ночью трасса словно становилась полем невидимой битвы. Перекрыто с двух сторон движение, снято напряжение с высоковольтных линий электропередач, удвоили внимание дорожники. По самой середине колеи двигались тяжеловозы. Закрепленные намертво металлические узлы, словно распластав широкие крылья, мерно покачивались, свисая с площадки. Раскроенная по частям драга меняла свой адрес.

Когда доставили последний узел, была уже глубокая зима. Мороз накрепко прихватил землю, заковал в броню большие и малые реки. Для новой драги нужен был котлован, чтобы поставить стапели на твердое дно его, заново "пришить" узлы, потом, к окончанию монтажа, запустить воду, поднять драгу на плав и через широкий перешеек вывести в русло Омчуга. Пока дойдет она до золотых песков, за ней останется на сотни метров шлейф пустой породы. Кончится промывочный сезон, уйдут теплые дни, прежде чем драга начнет добывать золото. Значит, еще на год останется в недрах драгоценный металл.

Вот тогда и пришла Шапунову мысль монтировать драгу прямо на льду замерзшей реки. Не надо дорогостоящего котлована, холостых пробегов плавучей фабрики.

В нем словно ожил давно забытый "чистый" математик.

Он собрал данные температурных режимов на Омчуге, глубины промерзания реки в разные периоды зимы, рассчитал несущую способность льда при разной его толщине, изучил речные глубины, поведение подледной воды. Дни поисков – короткое заключение. Пока нагрузка небольшая, осенний лед выдержит ее. Будет подниматься драга – будет наращиваться со дна реки лед. Точно по месяцам рассчитана нагрузка, точно по месяцам определена толщина льда. Короткие фразы – за ними раздумья, поиски, формулы, многочисленные данные метеостанции.

Докладная пошла в совнархоз. Возразить никто не решился, но и визы ставить не осмелились. Кивали головой: "Рискните, но ...". Шапунов знал, что стоит за этим “но”. Судьбы многих людей, загубленное оборудование, потерянное золото. И тогда неприятность неминуема. А те, кто говорил “рискните”, отойдут в сторону: мы, дескать, не санкционировали.

И вот этот предательский треск. В Магадан полетели тревожные телефонограммы из горного управления. А он каждый день приходил на монтажную площадку и давал указания – ставить все новые и новые узлы.

К весне драга приобрела четкие законченные контуры. Шли последние наладочные работы. И, наконец, рапорт: драга на плаву. Впервые в мировой практике драгостроения мощная, весом в тысячу двести тонн золотодобывающая фабрика построена на льду естественного котлована в рекордно короткие сроки монтажа шесть месяцев. Сто восемьдесят дней тревог и мужества.

****

Да, жизнь не раз устраивала ему экзамен, жесткую проверку на душевную твердость и волю, на зрелость инженерного диплома. Экзамен сдан – он остался верен своим идеалам. Экзамен сдан – плывут в колымских долинах золотодобывающие фабрики. Экзамен сдан – дают стране драгоценный металл первые в мире заполярные драги, дают вопреки утверждениям зарубежной прессы, что русские задумали невозможное.

Наступить на горло собственной обиде и пересилить ее. Остаться за бортом большой жизни и все-таки считать себя в строю. Испытать горечь неволи и снова, в дни беспримерного монтажа, поставить на карту свою свободу. Много лет видеть лишь стены бараков и добровольно идти первым в тайгу, в необжитые места, на жесткий топчан в палатке и радоваться, что по древней золотой долине поплыл еще один стальной исполин.

Разве это не мужество жизни?

Л. ИВАНКИН